

«Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя».⁶¹ Евфимий подтверждал западное происхождение подобных изображений и жаловался: «Пресвятую Богородицу пишут иконописцы с латинских же образцов, непокровенну главу имущу, власы растрепаны. . . И пресвятая богородица . . . не хождаше простовласа. . .».⁶²

Авраамий, со своей стороны, отмечал, что «нынешнии» русские иконописцы — «латинстии и лютостии ученицы». Они искажают (по феодальной моде) простую одежду Богородицы, которая, как он пишет, носила «не цветную или многоценную яковую одежду, но всегда во всем житии своем имеяше одежду смиренную, смуглую, малоценную».⁶³ Евфимий также подчеркивал, что носила она «ризу багрянну, смиренну и нищетну».⁶⁴ Об известном расколочителе Капитоне Игнатий Тобольский осудительно писал, что, когда Капитон увидел «пресвятую Богородицу написану в царских одеждах, начат, яко невежда сый, похуляти иконописца, глаголя: „Почто написал еси так пресвятую Богородицу, яко царицу? На пресвятой убо Богородицы багряницы царския не бысть никогда же“».⁶⁵

Национальный и социально-демократический характер этого комплекса эстетических представлений об образе Богородицы был полностью раскрыт в начале XVIII в. Выговские раскольники продолжали нападать на иконопись, принятую господствующей церковью, утверждая, что в ней «вид плоти» Христа и святых «одебелевают. . . подобно латинским и прочим (иже в Библиях⁶⁶ напечатаны, на полотнах малиованы) изображением».⁶⁷ Выговцы ссылались на авторитет патриарха Иоакима (ум. 1690 г.), который действительно протестовал против «латинских и немецких соблазных изображений».⁶⁸ На это они получили прямой ответ со стороны представителя церковных «властей» Феофилакта Лопатинского: «Иоаким . . . буде он такой завет написал, явно себе показал ревнителем русских деревенских мужичиих забабонов, по которым жене мужатой невозможно никому явиться непокровенною главою. И тем недоволен, захотел еще и божию мать тому же деревенскому мужичию закону подчинити, и писать ея образ по подобию русских бабиц» (21). Автор пытался парировать эти народно-национальные требования к иконописи двумя как бы реальными доводами, не имевшими никакого отношения к эстетическим проблемам «живописания»: «Разве не ведал (Иоаким — А. Р.), что Богородица не российския породы была и не токмо по обручении Иосифу, но и по рождестве Сына божия пребысть дева, якоже и прежде?» (21).

Борьба с русской иконописной традицией, которая велась представителями придворного искусства, в представлениях Аввакума далеко выходила за пределы «живописно»-эстетических перемен, порожденных только

⁶¹ См.: А. Н. Робинсон. Жизнеописание, стр. 149, 243.

⁶² Евфимий. Вопросы и ответы, стр. 20.

⁶³ В. И. Успенский, стр. 73.

⁶⁴ Евфимий. Вопросы и ответы, стр. 19.

⁶⁵ Игнатий Тобольский, стр. 98.

⁶⁶ Полагаем, что здесь имеется в виду в первую очередь охарактеризованная выше Библия Пискатора (см. прим. 56).

⁶⁷ [Феофилакт Лопатинский]. Обличение неправды раскольнической, показанные во ответах выгодских пустосвятов на вопросы честнаго иеромонаха Неофита. [М.], 1745 (написано в 1723 г.), л. 19 об. (далее листы указываются в скобках в тексте).

⁶⁸ Иоаким отмечал, в частности, что иноземные «еретики» пишут богородицу — «непокровенну главу и власы украшенну и многих святых жен непокровенными главами и мужей своестранными обычай, в греческих же старых и российских таковых подобием не обретошася. . .» (Житие и завещание святейшего патриарха московского Иоакима см.: Изд. ОЛДП, т. XLVII, СПб., 1879, стр. 134—135); см. также грамоту Иоакима об иконописи: ААЭ, т. IV, СПб., 1836, стр. 254—255.